

18+

ЕВГЕНИЙ ГАВРИЛОВ

КОНТАКТНЫЙ ЗООПАРК

Евгений Гаврилов
Контактный зоопарк

«Издательские решения»

Гаврилов Е.

Контактный зоопарк / Е. Гаврилов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-692105-4

Инопланетные исследователи, бывшие Боги изучая человечество, сами становятся людьми и оказываются перед невозможным выбором. Теперь на них объявлена охота, а миссия близится к концу. Удастся ли им улететь, если они уже стали частью этого мира? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-692105-4

© Гаврилов Е.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1: Группа «Омега-Дельта»	10
Глава 2: Протокол «Мясной мешок»	14
Глава 3: Первичная синхронизация: боль, зуд и неловкость	19
Глава 4: Первый день	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Контактный зоопарк

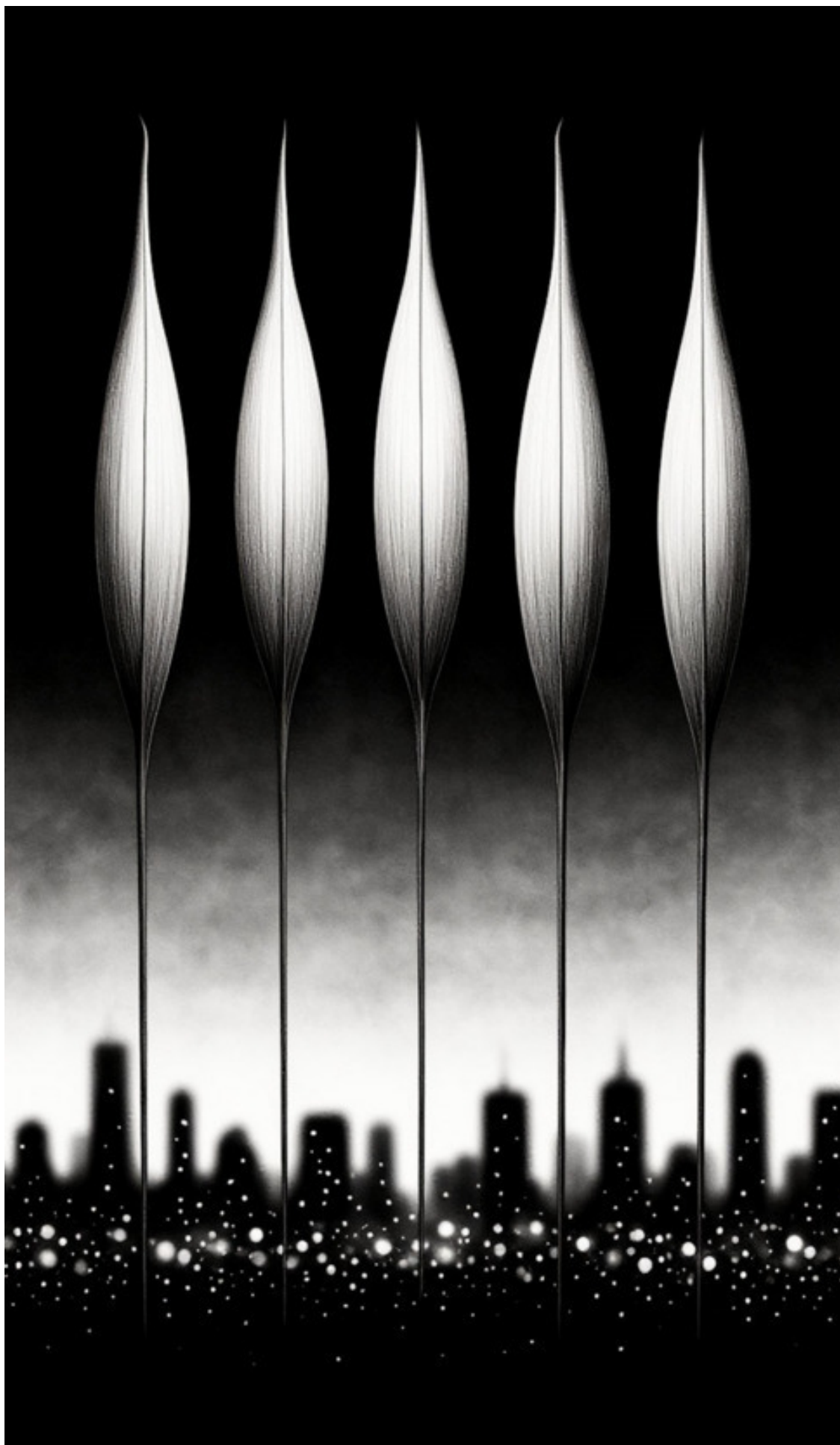
Евгений Гаврилов

© Евгений Гаврилов, 2026

ISBN 978-5-0069-2105-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Корабль плыл сквозь вечность.

Это не было метафорой – он буквально скользил сквозь застывшую субстанцию межгалактического пространства, где время текло иначе, а расстояния теряли смысл. «Созерцатель» класса «Тихий странник» был одним из лучших судов Флота Наблюдения: бесшумный, невидимый, совершенный.

Внутри царил тишина, которую нельзя было назвать пустотой. Она была насыщенной, густой, как редкий эфир. Воздух (хотя это был не совсем воздух) вибрировал от работы систем, поддерживающих идеальный баланс всего сущего на борту. Никаких случайных звуков. Никаких неожиданностей.

Зорг сидел в своей каюте и ненавидел каждую совершенную молекулу этого места.

Его форма – гуманоидная, по привычке, хотя давно можно было выбрать любую – была расслаблена в кресле-коконе. Перед ним парила голограмма населённой планеты, которую аборигены называли странно, TheМля. Голубая, белая, невероятно живая. Шторм в Тихом океане рисовал гигантские спирали облаков. Ночная сторона усеяна россыпями огней – скоплениями, линиями, одинокими точками. Каждая точка – чья-то жизнь. Чей-то ужин, ссора, надежда, скука.

– Увеличение, сектор 47-Бета, – произнёс Зорг мысленно.

Изображение поплыло, приблизилось. Теперь это был город. Не самый крупный. Типичный среднестатистический мегаполис третьего типа. Зорг знал его название, численность населения, средний доход, индекс счастья (жалкие 6.3 из 10). Но сейчас он смотрел не на статистику. Он смотрел на один конкретный перекрёсток.

Камера (невидимый спутник-наблюдатель размером с пылинку) показывала людей, переходящих улицу на зелёный свет. Одна женщина остановилась посередине, вернулась за ребёнком, который отстал. Машина резко затормозила. Водитель высунулся, что-то кричал. Женщина, не отвечая, схватила ребёнка за руку и побежала.

Зорг почувствовал знакомое щемящее ощущение где-то в области, которую его раса когда-то называла солнечным сплетением. Стресс. Глупая, бессмысленная ситуация. Риск. Неэффективность. И в этой неэффективности – какая-то дикая, неукротимая жизнь.

Он отключил голограмму. Тьма каюты стала абсолютной. Зорг закрыл глаза (ещё один атавизм, но без глаз было неловко) и попытался вспомнить, когда он перестал быть учёным и стал... кем? Наркоманом? Да, пожалуй. Его цивилизация победила голод, болезни, смерть, скуку. Они достигли Абсолюта – состояния гармоничного, вечного, слегка самодовольного существования. И обнаружили, что в этом Абсолюте нечем дышать.

Тогда открыли Туризм. Не к другим звёздам – к ним летали всегда. А к другим способам быть. Самые отчаянные (или самые выгоревшие) отправлялись в миры, где всё ещё существовали понятия «боль», «риск», «неопределённость». TheМля была самым популярным направлением. Планета абсурда, где разумные существа, изобретшие квантовые компьютеры, всё ещё верили в астрологию и дрались из-за парковочных мест. Где поэзия существовала наравне с бюрократией. Где можно было умереть от того, что не вовремя съел гриб.

Зорг был гидом. Лучшим. Он провёл 147 групп. И с каждой новой чувствовал, как его собственная, родная вечность становится всё более невыносимой. Он ловил себя на том, что мечтает не о безмятежных полях родного мира, а о смоге земного мегаполиса, о вкусе их примитивного, вредного кофе, о раздражении от опоздавшего автобуса.

Личный коммуникатор, вшитый в поле его сознания, подал тихий, вежливый сигнал.

– Принять, – мысленно сказал Зорг.

– Зорг. Приказ из Центра. Ваше текущее назначение отменено. Вам поручена группа «Омега-Дельта». Приоритет – максимальный. – Голос координатора был бесцветным, как всё в их мире.

– «Омега-Дельта»? Такой классификации нет в реестре стандартных туров.

– Это не стандартный тур. Это... экзистенциальная интервенция. Просмотрите досье. Группа уже на борту транспортного челнока «Молчание». Рендеву через три цикла. Ваша задача – обеспечить их полное погружение в биосоциальную среду TheМли.

– Интервенция? Вы хотите, чтобы я их вылечил от чего? От бытия?

– От последствий абсолютного бытия, – в голосе координатора впервые промелькнул оттенок чего-то, что могло быть иронией, а могло – профессиональной жалостью. – Они не просто туристы, Зорг. Они – вершина. И они упали. Удачи.

Связь прервалась. В поле сознания Зорга всплыли файлы. Он открыл первый. И застыл.

ЭЛИОН. Бывший Верховный Координатор Туманности Андромеды. Фото (условное, их раса давно не использовала визуальные образы) показывало сущность, излучавшую спокойную, неоспоримую мощь. Досье: руководил гармонизацией 10 347 разумных миров. Разрешил Великий Спор Хроносфер, предотвратив временную войну. Под его началом цивилизация достигла пика эффективности. Затем – добровольная отставка. Диагноз: «Синдром исчерпанного смысла. Больше не видит разницы между решением, влияющим на миллиарды, и выбором между чаем и кофе. Считает и то, и другое бессмысленным».

ЛИРА. Философ-метафизик. Автор теории «Исчерпанной Реальности», доказавшей, что все возможные комбинации смыслов во Вселенной уже продуманы и каталогизированы. Её работы поставили точку в развитии галактической философии. Последние 200 лет (местного времени) проводит в состоянии созерцательной кататонии. Последняя записанная мысль: «Искать нечего. Всё найдено». Цель терапии: найти «непродуманное».

КСАРО. Творец. Его синестезийные симфонии вызывали физическое перерождение материи у слушателей. Создал «Гимн Рождению Чёрной Дыры», который до сих пор исполняют на открытие новых звёздных систем. Исчерпал, по его словам, «палитру вселенских эмоций». Последняя работа – «Тишина Абсолюта» – 300-летняя немая медитация, после которой несколько слушателей добровольно удалили свои центры восприятия искусства. Ищет «фальшивую ноту».

ВЕГА. Воитель. Последний Великий Стратег Эры Равновесия. Его тактические схемы изучают в академиях как образец безупречной логики. В наступившую эпоху вечного мира его навыки стали ненужными. Деградирует, испытывая физиологическую потребность в конфликте, которой не может удовлетворить. Диагноз: «Синдром нереализованной агрессии в условиях перманентного мира».

И последний. БЕЗЗВ. Было только это имя. Ни титула, ни достижений. В графе «прошлая роль» стояло: «Фон». В графе «диагноз»: «Отсутствие диагностируемой идентичности. Чистая потенциальность».

Зорг медленно выдохнул (ещё один атавизм, но дыхание помогало структурировать мысли). Он понял. Центр послал ему не туристов. Ему послали пять катастроф. Пять сверхсуществ, которые достигли вершины всего и обнаружили, что там пусто. И теперь они летят на самую грязную, шумную, нелогичную и живую планету в каталоге в надежде, что этот хаос вернёт им вкус к существованию.

Или добьёт окончательно.

Зорг снова активировал голограмму Земли. Он смотрел на этот голубой, яростный, прекрасный шарик.

– Ну что ж, – прошептал он на забытом языке своего детства, языке, на котором когда-то были слова для «страха» и «надежды». – Добро пожаловать в контактный зоопарк, вершители. Посмотрим, кто кого приручит.

Он откинулся в кресле. До встречи с группой оставалось три цикла. Ровно столько, чтобы подготовить самый жёсткий, самый циничный и самый честный инструктаж в своей карьере.

Корабль «Созерцатель», не меняя курса, продолжал скользить к точке рандеву. К неотвратимой встрече бесконечного, усталого разума с конечной, неистовой жизнью.

Глава 1: Группа «Омега-Дельта»

Челнок «Молчание» был, возможно, самым совершенным транспортным средством в Галактике. Он не летел – он допускал изменения в своих пространственно-временных координатах. Внутри не было ни вибраций, ни шума, ни даже ощущения движения. Только плавная, неумолимая перестановка реальности.

Салон напоминал медитационный зал в храме, который давно забыл своих богов. Мягкий, рассеянный свет, лишённый источника. Воздух (опять же, не совсем воздух) с точно выверенным составом для умиротворения любых известных форм сознания. Тишина. Не та тишина, что между звуков, а тишина как первичное состояние бытия.

Именно эту тишину нарушил Зорг, когда вошёл. Его шаги не звучали, но само его присутствие внесло диссонанс – лёгкую рябь в идеальной глади.

Пять существ ожидали его.

Они не сидели. Они находились. В позах, которые не были ни расслабленными, ни напряжёнными. Они просто были. Как предметы. Дорогие, безупречно сделанные, лишённые цели предметы.

Зорг остановился в центре зала, позволив им себя рассмотреть. Он выбрал для этой встречи базовую форму – гуманоидную, нейтральную, в простом костюме-комбинезоне оператора. Ничего лишнего.

– Я – Зорг, – сказал он. Его голос прозвучал неприлично громко в этой поглощающей звук атмосфере. – Ваш гид и куратор на время миссии на TheMле. По условиям контракта, вы передаёте мне полномочия по вашему размещению, адаптации и безопасности на период погружения. Вопросы?

Существа смотрели на него. Их «взгляды» не были визуальными в привычном смысле. Это были поля внимания – плотные, тяжеловесные, лишённые любопытства.

Первым «заговорил» Элион. Его коммуникационное поле было холодным, структурированным, как отчёт. – Процедура информирования. Предоставьте ключевые параметры миссии: глубину погружения, степень автономии скафандров, протоколы экстренной экстракции.

– Все протоколы будут предоставлены, – кивнул Зорг. – Но сначала – основа. TheMля – цивилизация третьего типа. Углеродная, белковая, смертная. Их социальные конструкции основаны на комбинации примитивной логики и мощных, нерациональных эмоций. Ваша задача – не изучение. Не улучшение. Наблюдение через полное погружение. Вы станете одним из них.

Поле Лиры, философа, дрогнуло. В нём возник слабый, но различимый узор – аналог удивления. – Стать... ограниченным? Добровольно принять форму, заведомо ущербную по пропускной способности каналов восприятия? В чём познавательная ценность?

– Ценность в самом ограничении, – отрезал Зорг. – Вы ищете «непродуманное», Лира? Там, где мысль упирается в стенку из мяса, гормонов и страха опоздать на автобус, – там его и ищите. В их слепоте. В их истеричном смехе. В их глупой, ненужной доброте.

Ксаро, творец, излучил всплеск сложных оттенков – интерес, скепсис, брезгливость. – Мясо. Гормоны. Это... грубые материалы. Шумные. Негармоничные.

– Именно, – Зорг позволил себе что-то вроде улыбки. – Фальшивые ноты, Ксаро. Сплошные фальшивые ноты. Их музыка – это какофония биологических импульсов, социального давления и чистой случайности. Ваша синестезия сойдёт с ума. Или откроет для себя новый цвет.

Вега, воин, наконец подал признак жизни. Его поле стусуилось, стало острым, колючим. – Конфликт. Разрешен ли он? Пределы?

– Конфликт – их естественное состояние, – сказал Зорг. – От бытовых ссор до социальных волнений. Ваше тело будет испытывать гнев, раздражение, желание доминировать. Вы можете участвовать в пределах социальных норм их субкультуры. Драка в баре – допустима. Война –

нет. Ваша агрессия будет разменяна на мелочи: спор с начальником, конкуренцию за парковку, игру в их примитивные симуляторы конфликтов, которые они называют «спортом».

– А победа? Имеет ли значение? – поле Веги вибрировало от скрытого напряжения.

– Для них – имеет. Для вас – нет. Помните, вы играете роль. Но... – Зорг сделал паузу. – Скафандр будет влиять на вас. Биохимия мозга, мышечная память, инстинкты. Вы можете почувствовать победу как нечто ценное. Это часть опыта.

Он перевёл внимание на пятого. Беззва. Тот просто... был. Его поле было на удивление тонким, почти прозрачным. В нём не было ни сопротивления, ни ожидания. Чистая восприимчивость.

– Тебе не о чем спросить? – произнёс Зорг.

Поле Беззва колыхнулось, как вода от лёгкого ветра. – Нет. Я готов к тому, что будет.

В этой простой фразе не было покорности. Была полная, абсолютная открытость. Это было почти страшно.

Зорг обвёл их всех взглядом (вернее, направил фокус своего воспринимающего массива). – Теперь о главном. Правило номер один, которое важнее всех остальных. Вы его нарушите – миссия будет немедленно прекращена, а вам гарантировано стопроцентное стирание данного опыта. – Он сделал драматическую паузу, которую подсмотрел в одном из их старых фильмов под названием «драма». – Не пугайте аборигенов.

В зале повисло недоумение.

– Пугать? – исказил поле Элион. – Мы не намерены причинять вред.

– Вы не понимаете, – Зорг вздохнул. – Само ваше присутствие, если оно будет раскрыто, станет для них катастрофой. Их картины мира хрупки. Их религии, науки, социальные уклады – всё это не выдержит контакта с тем, что вы из себя представляете на самом деле. Вы для них – боги, демоны, инопланетяне из дурных снов. Вы разрушите их. Поэтому – никаких проявлений сверхспособностей. Никаких исправлений их «несовершенного» мира. Никаких попыток наставить на путь истинный. Вы – наблюдатели в стаде. Вы должны мычать, как они, жевать траву, как они, и бояться волков, как они. Понятно?

Они молчали. Для существ, управлявших реальностью, идея добровольного самоуничтожения до уровня примитивных организмов была... немислимой.

– А если мы увидим страдание? Несправедливость? – спросила Лира. В её поле вспыхнул оттенок, который мог быть зачатком этического вопроса.

– Вы увидите их много, – холодно ответил Зорг. – Это часть экспозиции. Вы не лекари. Вы – туристы в контактном зоопарке. Вы не лезете в вольер к медведю, чтобы вылечить ему зуб. Вы наблюдаете. С того самого момента, как наденете скафандр, ваша цель – быть незаметными. Средними. Обычными.

– Каков критерий успеха миссии? – вернулся к прагматике Элион.

Зорг посмотрел на голограмму Земли, которая зажглась за его спиной. Яркая, живая, несовершенная.

– Успех? – он произнёс это слово, как будто пробуя его на вкус. – Успех – это если через положенный срок вы захотите остаться ещё на один день. Не из долга. Не из научного интереса. А потому что вам будет... интересно. Потому что вы забудете на час, кто вы такие. Потому что вкус их пищи или шутка их собрата вызовут у вас реакцию, которую вы не сможете смоделировать заранее. Вот и весь критерий.

Он выключил голограмму. Зал снова погрузился в мягкий, безличный свет.

– Завтра начнётся процедура облачения. Отдохните. Это последняя ночь, которую вы проведёте в своих настоящих формах. Используйте её с умом.

Зорг развернулся и направился к выходу. На пороге он обернулся.

– И да... забудьте слово «бессмертие». Там, куда вы отправляетесь, его не существует. Там есть только «сейчас». И иногда оно больно бьёт по лицу.

Дверь за ним закрылась беззвучно.

В зале снова воцарилась идеальная тишина. Но теперь она была иной. В неё вплетались тонкие, едва уловимые частоты: первые колебания тревоги, первые проблески чего-то, что могло быть... предвкушением.

Элион медленно «поднялся». – Я проанализирую протоколы безопасности, – сообщило его поле, обращаясь в никуда, и растворилось в личных помещениях.

Лира продолжала «сидеть», её поле было сосредоточено внутрь, будто она уже пыталась представить границы «непродуманного».

Ксаро излучал сложный аккорд – отторжения и любопытства одновременно.

Вега стоял недвижно, и его поле напоминало сжатую пружину, лишённую цели.

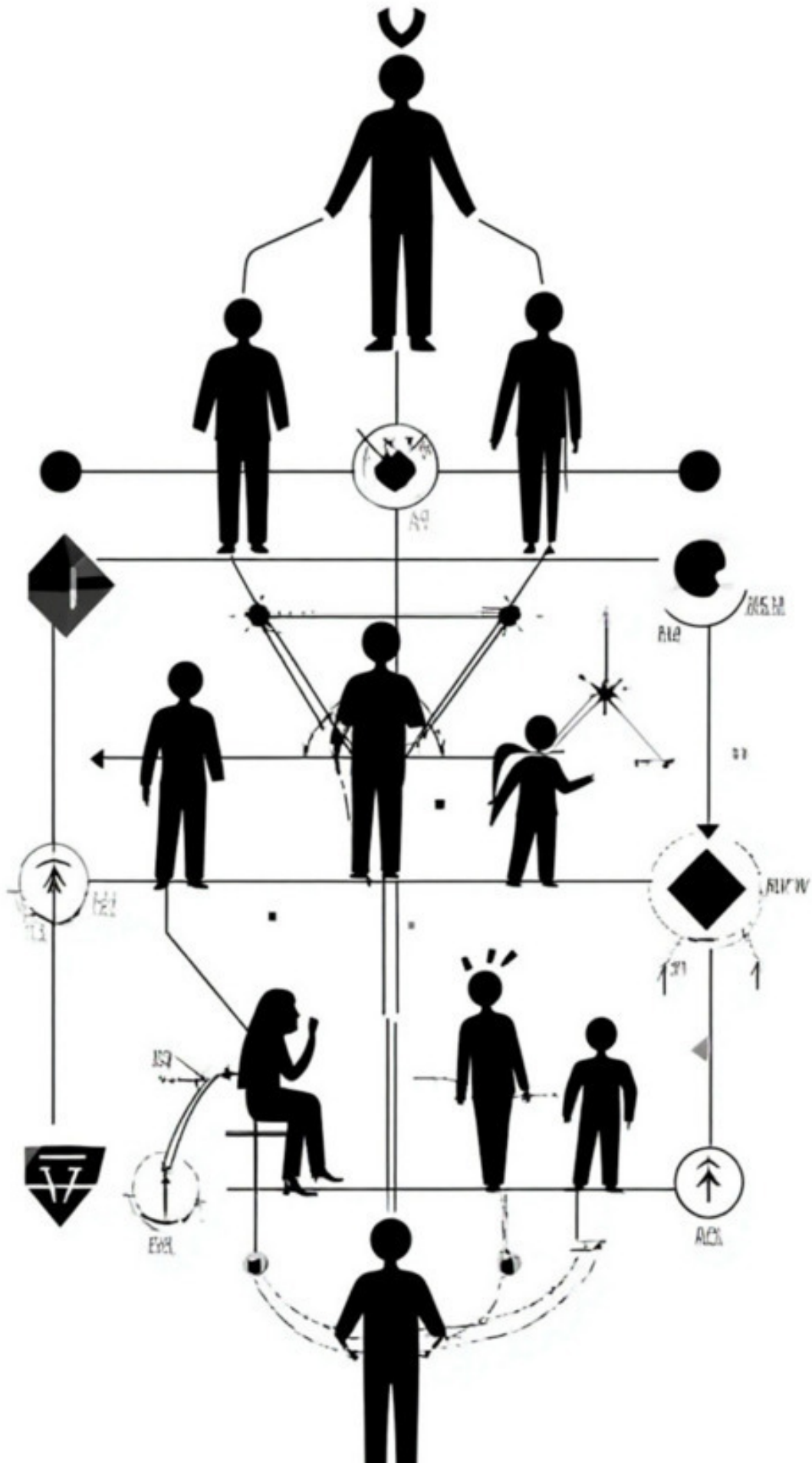
А Беззв... Беззв просто оставался там, где был. Его прозрачное поле дышало в такт искусственной атмосфере челнока. Готовое стать кем угодно.

В своей каюте Зорг снова смотрел на Землю. Он думал о пустом поле Беззва. Остальные были проблемой – сверхновая звезда, которую нужно втиснуть в карманную лампу. А Беззв... Беззв был самой большой загадкой. Что происходит, когда чистая потенция встречает абсолютную конкретность человеческой жизни? Что родится из этого союза?

Он отложил мысли. Завтра предстояла самая сложная часть – не инструктаж, а облачение. Теория – ничто перед лицом практики надевания мясного скафандра с его аварийным клапаном и всеми вытекающими.

Буквально.

Глава 2: Протокол «Мясной мешок»

Док-камера «Созерцателя» называлась так лишь по традиции. Никаких доков, никаких грубых механических манипуляторов. Это была стерильная, белая сфера, где материя могла перестраиваться на молекулярном уровне. Обычно здесь регенерировали сканеры или создавали инструменты для тонкого вмешательства. Сегодня сфера готовилась к самой парадоксальной операции – упаковке бесконечного в конечное.

Зорг уже ждал их, облаченный в свой рабочий «скафандр» – практичный комбинезон с множеством карманов и интерфейсным блоком на запястье. Он казался воплощением здравого смысла и цинизма.

Группа вошла. Их сияющие, не вполне материальные формы казались неуместными в этой строгой обстановке.

– Доброе утро, – сказал Зорг без тени приветливости. – Сегодня вы познакомитесь со своим временным биологическим интерфейсом. Или, как я это называю, пройдёте протокол «Мясной мешок».

Он жестом активировал панель управления. В центре сферы из ничего, в клубах охлаждённого пара, начали материализовываться пять горизонтальных платформ. На каждой лежало тело.

Не манекен. Не оболочка. Тело.

Человеческое. Полностью сформированное. Мужское или женское, разного возраста и комплекции. Кожа имела здоровый, но несколько восковой оттенок сна. Глаза закрыты. Груды равномерно поднимались и опускались в такт искусственному дыханию. Они были красивы в своей абсолютной, непритязательной обыкновенности.

Воздух наполнился запахом. Слабый, но неистребимый. Запах стерильности, смешанный с запахом живой плоти, пота, чего-то органического и глубоко чужого.

Лира сделала шаг назад. Её светящаяся форма дрогнула. – Это... они сознательны? – Нет, – ответил Зорг. – Это биологические платформы. Мозг – чистый лист, базовые функции поддерживаются на автономном уровне. Ни памяти, ни личности. Идеальный сосуд. Ваша задача – вселиться, синхронизироваться с нервной системой и взять управление.

Ксаро, чья форма обычно переливалась спокойными гармоничными цветами, вспыхнул резким, диссонирующим оранжевым. – Они... асимметричны. Посмотрите на эту родинку на шее у третьего. И волосы... они растут беспорядочно. Это несовершенство.

– Поздравляю, вы сделали первое наблюдение, – сухо сказал Зорг. – Человеческое тело – это компромисс эволюции, а не произведение искусства. Теперь подходите. Каждому – своё, согласно социальному профилю.

Он стал указывать: – Элион. Вам – тело Петра Сидорова, 45 лет, менеджер среднего звена. Седина у висков, начинающаяся складка озабоченности на лбу. Идеально. – Лира. Светлана Зайцева, 32 года, курьер. Выносливое, не приметное. – Ксаро. Игорь Петров, 28 лет, бармен. Хорошая моторика рук, выразительное лицо. – Вега. Владимир Козлов, 38 лет, строитель. Развитая мускулатура, потенциал для агрессии. – Беззв. Кирилл Белов, 25 лет, офисный работник. Средние параметры по всем статьям. Безупречная заурядность.

Они приблизились к платформам. Отвращение было почти осязаемым.

– Процедура входа стандартна, – продолжал инструктаж Зорг. – Фокусируете сознание, находите основной нервный узел в области мозга и совершаете плавное проецирование. Ключевое слово – плавное. Не пытайтесь втиснуть всю свою многомерность сразу. Вы наливаете океан в чайную чашку. Через носик. Аккуратно.

Элион, чья форма всегда излучала неоспоримый контроль, первой решила. Его сияющее «тело» сгустилось в шар чистого сознания и потянулось к голове своего будущего скафандра – Петра Сидорова. Была попытка воли, резкий импульс.

Тело на платформе вздрогнуло, как от удара током. Глаза открылись, закатились. Из рта вырвался хриплый, булькающий звук. Руки беспорядочно задергались.

– СТОП! – рявкнул Зорг, подбегая. Он резким жестом на панели приостановил процесс. – Что я сказал?! Плавно! Вы пытаетесь запустить звездолёт, дёргая за одну проволоку! Вы теперь не бог! Вы – бухгалтер Пётр Сидоров! Ваша вселенная – дедлайн по отчёту и большая спина! Поняли?!

Сознание Элиона отступило, смущённое и раздражённое. Тело Петра обмякло, снова задышав ровно.

– Смотрите и учитесь, – проворчал Зорг. Он подошёл к телу Кирилла, предназначенному Беззву. – Беззв. Попробуй. Помни – не сила, а намерение. Лёгкость.

Светящаяся, почти прозрачная форма Беззва колыхнулась. Не было мощного импульса. Было скорее... течение. Мягкая, постепенная диффузия. Сознание будто растворялось, просачиваясь в чужую форму.

Тело Кирилла на платформе не дёргалось. Его веки лишь слегка затрепетали. Пальцы правой руки плавно согнулись и разогнулись. Потом левой. Грудь вздыбилась в более глубоком, осознанном вдохе.

И глаза открылись.

Они были карими, немного сонными, абсолютно человеческими. В них не было ужаса или величия. Было тихое, спокойное присутствие. Кирилл-Беззв медленно поднял руку, развернул ладонь перед лицом, изучая линии.

– Интересно, – произнёс он. Голос был немного хриловатым от неиспользования, но вполне обычным. – Ограниченно. Но... конкретно.

Зорг кивнул, в его глазах мелькнуло что-то вроде одобрения. – Хорошо. Остальные – по его примеру. Медленно. Не спешите почувствовать всё сразу.

Процесс пошёл, но не без происшествий. Лира, пытаясь синхронизироваться с тактильными ощущениями, перегрузила нервную систему Светланы, и та на несколько минут испытала невыносимую боль от прикосновения ткани простыни – боль, которую Лира восприняла как философское откровение о природе страдания.

Ксаро, вселяясь в Игоря, застрял на согласовании слуха и зрения. Он слышал биение собственного нового сердца как грохот барабана и видел свет ламп как ослепительные, рваные вспышки. «Диссонанс... – подумал он с болезненным восторгом. – Это и есть диссонанс...»

Вега вломился в тело Владимира, как танк в хрупкий дом. Мышцы напряглись до судорог, скелет затрещал. Он немедленно попытался подняться, но нескоординированные конечности подвели, и он рухнул с платформы на пол с глухим стуком.

– Чёрт возьми! – зашипел Зорг, помогая ему подняться. – Ты не в боевой экзоскелет залазаешь! Это биология! Ей нужно время! Дыши. Просто дыши.

Через сорок минут все пять тел стояли на ногах. Шатаясь, как новорождённые жирафы. Они смотрели друг на друга чужими глазами, трогали чужие лица, издавали неуверенные звуки чужими голосами. Это был жутковатый балет дезориентации.

– Поздравляю, – сказал Зорг без тени поздравления. – Первичная синхронизация завершена. Теперь – краткий инструктаж по управлению. Особое внимание.

Он подошёл к Кириллу-Беззву, который стоял спокойнее других, и без предупреждения хлопнул его по плечу. Тело инстинктивно дёрнулось. – Тактильная обратная связь. Работает. Потом щёлкнул пальцами перед его лицом. Кирилл моргнул. – Зрительный рефлекс. Хорошо. Затем Зорг подошёл к стене и вызвал голограмму – схематическое изображение человеческого тела с пометками.

– А теперь главное. Системы жизнеобеспечения. Вход – тут, – он ткнул в рот на схеме. – Топливо – «еда». Разнообразное, большей частью вредное. Вы почувствуете сигнал «голод».

Не игнорируйте. Система фильтрации – здесь, – показал на почки и печень. – Требуется постоянная подача жидкости «вода». Сигнал – «жажда».

Он помолчал, собираясь с мыслями для самой важной части. – И система утилизации отходов. – Его палец переместился в нижнюю часть схемы, к задней области. – Здесь расположен аварийный клапан. Примитивный, но эффективный механизм. Когда резервуар полон, вы почувствуете сигнал. Не игнорируйте его. Это не техническая неполадка, это функция. Ваша новая реальность включает в себя необходимость... освобождать резервуар. Регулярно.

В зале повисло шокированное молчание. Пять пар человеческих глаз смотрели на схему с немим ужасом.

– Вы... шутите? – наконец выдал из себя Элион-Пётр. Его новый голос звучал неестественно высоко от возмущения.

– Я никогда не шучу о физиологии, – парировал Зорг. – Это не недостаток дизайна. Это – напоминание. Каждые несколько часов ваше совершенное сознание будет получать сигнал от примитивного кишечника о необходимости совершить акт глубочайшей униженности. Это – квинтэссенция человеческого опыта. Вы смертны. Вы зависите от материи. Материя внутри вас требует выхода. Привыкайте.

Лири-Светлана подняла свою новую, узкую руку в плечах. – А... а как часто? – Зависит от диеты. Примерно 1—2 раза в сутки. Социальные ритуалы для этого отведены. Вы разберётесь.

Ксаро-Игорь с отвращением посмотрел на свои новые руки. – И это... все они делают? Все эти... Моцарты, Эйнштейны, ваши Шекспиров? – Все, – подтвердил Зорг с мрачным удовлетворением. – Каждый. Каждый день. Это великий уравнитель. Теперь вы это знаете. И теперь вы – часть этого.

Он выключил голограмму. – На сегодня всё. Ваши личные вещи – одежда, документы, небольшой стартовый капитал – уже в ваших каютах. Отдыхайте. Завтра – прибытие. И помните: первый шаг, первый запах, первый настоящий ветер в лицо. Он будет другим. Он будет настоящим.

Зорг развернулся и вышел, оставив их в док-камере.

Пятеро новых людей стояли в тишине, нарушаемой только бульканьем систем жизнеобеспечения платформ и их собственным, пока ещё не совсем уверенным дыханием.

Элион-Пётр первым попытался сделать шаг. Его нога подчинилась не сразу. Он пошатнулся, упёрся рукой в холодную поверхность платформы. Упрямство на его новом лице сменилось сосредоточенностью. Он сделал ещё шаг. И ещё.

Лири-Светлана подошла к стене, потрогала её ладонью. Шероховатость покрытия, лёгкая вибрация от работы корабельных систем – всё это передавалось в её сознание с невероятной, почти болезненной яркостью. «Непродуманная текстура...» – подумала она.

Ксаро-Игорь поднёс руки к лицу, сжал и разжал кулаки перед глазами. «Инструменты... грубые, но с потенциалом. Сколько разных давлений нужно, чтобы раздавить виноградину, а сколько – чтобы поднять стакан?»

Вега-Владимир просто стоял, сжав кулаки. Он чувствовал силу в этих новых мышцах. Ограниченную, земную, но осязаемую. Он ударил кулаком в открытую ладонь. Звук шлёпка плоти о плоть был тупым, примитивным, но от него по спине пробежала странная дрожь удовлетворения.

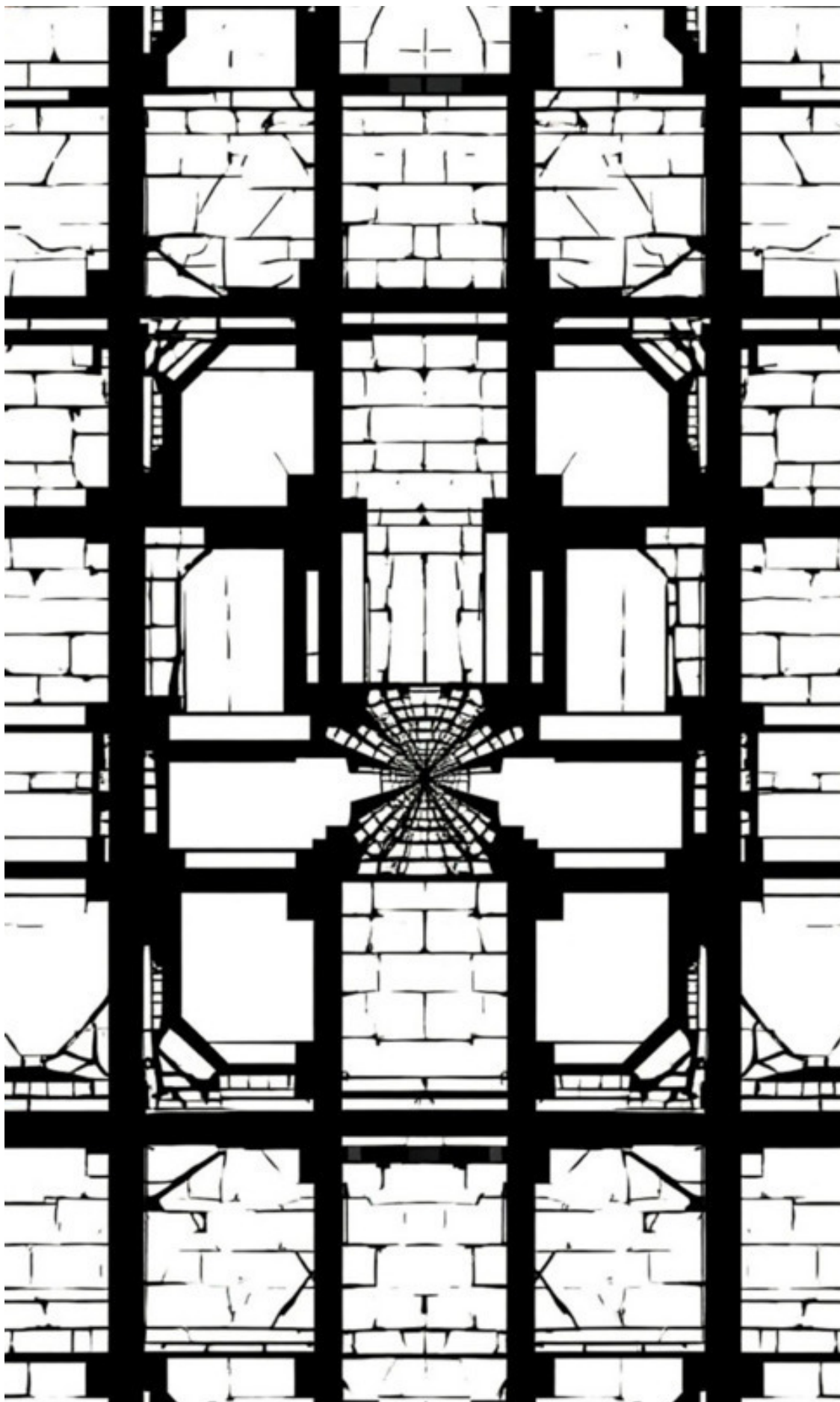
А Кирилл-Беззв подошёл к зеркальной поверхности стены. И увидел отражение. Молодое, ничем не примечательное лицо. Карие глаза. Он улыбнулся. Отражение улыбнулось в ответ. И в этот момент что-то щёлкнуло. Грань между «я» и «скафандр» стала призрачной. Он не был в теле. Он был телом.

В своей каюте Зорг просматривал показатели жизнедеятельности пяти новых биологических единиц. Всё в норме. Стресс на пределе, но адаптация идёт. Он откинулся на спинку кресла.

«Итак, вершители, – мысленно обратился он к ним. – Вы надели свои мясные скафандры. Вы узнали о дырочке сзади. Первый урок усвоен: вы более не боги. Вы – существа, которые завтра утром будут должны сходить в туалет. Добро пожаловать в клуб.»

За иллюминатором, в бесконечной черноте, уже виднелась крошечная, яркая голубая точка. TheMля ждала своих самых странных гостей.

Глава 3: Первичная синхронизация: боль, зуд и неловкость

Процедура десантирования не имела ничего общего с огненными спусками в атмосферу или лязгом посадочных шасси. Это была процедура аккуратного невмешательства. «Созерцатель» завис на границе верхних слоёв атмосферы, невидимый, неслышимый, и выпустил пять капсул-невидимок. Те, в свою очередь, не падали, а плавно смещались вниз, подчиняясь слабым гравитационным аномалиям, которые генерировал корабль.

Внутри капсулы, больше похожей на тесный лифт, пахло озоном и страхом. Не метафизическим страхом перед вечностью, а самым что ни на есть животным, телесным – страх падения, страх удара, страх неизвестности.

Пять человек в грубой, немаркой, чужой одежде молча цеплялись за поручни. Их тела уже не были чужими манекенами – они стали единственной реальностью. И эта реальность сообщала: сердце бьётся в горле, в животе холодно и тошно, а мышцы ног дрожат от напряжения.

Ксаро-Игорь первый нарушил молчание. Его новый голос дрогнул: – Вибрация... она проникает в зубы. В кости. Это отвратительно. И непрерывно.

– Это не вибрация, – сквозь стиснутые зубы сказал Элион-Пётр. Его лицо было бледным, он пытался дышать глубоко и ровно, как в инструкции по управлению стрессом для менеджеров среднего звена. – Это низкочастотный гул. Двигатели. Или трение об атмосферу.

– Их нет, – тихо заметил Кирилл-Беззв. Он стоял, прислонившись к стенке, и смотрел в одну точку. – Ни двигателей, ни трения. Это поле сдерживания. Оно дрожит.

Вега-Владимир только хрипло дышал, сжимая поручень так, что его костяшки побелели. Он был настроен атаковать, но не мог определить врага. Атаковать невидимую физику? Его новый мозг не мог этого обработать.

Лира-Светлана закрыла глаза. Она не пыталась анализировать. Она пыталась чувствовать. Каждую дрожь, каждый толчок, тошноту, холодный пот на спине. Это было сырым, нефильТРованным, ужасающим потоком данных. Страх, подумала она. Вот его чистая форма. Не идея, а биохимия. Адреналин, кортизол, мышечный спазм. Философия, зашитая в нервные окончания.

Капсула мягко, почти нежно, коснулась земли. Не было стука, лишь тихий шелчок разъединяющихся полей. Стенка перед ними растворилась.

Их ударило в лицо.

Это был не удар. Это был мир.

Запах. Первое и самое сильное. Он обрушился волной – тяжёлый, сложный, отвратительный и манящий. Запах мокрого асфальта после дождя. Горячего масла из соседней забегаловки. Сладковатой гнили из переполненного мусорного бака. Выхлопных газов. Чьих-то духов, принесённый ветром. Запах жизни, которая не стерильна, не отфильтрована, которая гниёт, пахнет, выдыхает.

Звук. Гул, но уже не капсулы. Гул города. Отдалённый рёв магистрали. Резкие гудки. Обрывки музыки из открытого окна. Смех где-то за углом. Лай собаки. Шипение автобусных тормозов. Миллионы звуков, сплетённых в один непрерывный, низкочастотный гул безумия.

Свет. Не ровное освещение корабля. Рваные, ядовитые вспышки неона – красный, синий, жёлтый. Мерцающие вывески. Тусклые фонари над подъездами. Слепящие фары проезжающих машин. И тьма – густая, плотная, в промежутках между огнями, таящая в себе неизвестность.

Они стояли в узком переулке, заваленном мусорными контейнерами. Капсула исчезла у них за спиной, оставив только влажный асфальт.

Первый шаг сделал Элион-Пётр. Его нога ступила в лужу. Холодная влага моментально промочила дешёвый синтетический ботинок и просочилась к носку. Он вздрогнул, как от удара

током. Это был не дискомфорт с контролируемой температурой. Это была сырость. Проникающая, неприятная, реальная.

– Гх... – он отдернул ногу, но было поздно. Ощущение мокрого носка прилипло к сознанию, мелкое, но нестерпимо навязчивое.

Лира-Светлана подняла лицо к небу. Мелкий, холодный дождь, больше похожий на туман, оседал на её кожу. Крошечные капли. Каждая – отдельное ощущение прохлады. Она провела рукой по лицу, смахнула влагу, посмотрела на мокрую ладонь. Простая вода. Но в контакте с кожей она становилась событием.

Ксаро-Игорь, зажав уши ладонями, зажмурился от натиска звуков. – Шум... – простонал он. – Белый шум страдания и глупости. Как они в этом живут? Как они в этом слышат?

Но потом его взгляд упал на стену рядом. Кривое, выполненное баллончиком граффити – розовый кот с пистолетом и надпись «ЛЮКС». Линии были неровными, цвета кричаще несочетаемыми. Ксаро замер. Его синестезия, привыкшая к гармонии звёздных палитр, среагировала на это вандальное безобразие вспышкой... чего? Не отвращения. Интереса. Это было уродливо, дерзко, живо. Фальшивая нота, выведенная на бетоне. Он невольно тронул краску. Она была шершавой, слегка липкой.

Вега-Владимир наконец разжал руки. Он повернул голову к источнику громкого, агрессивного звука – это двое мужчин в дальнем конце переулка что-то кричали друг на друга, тыча пальцами в грудь. Инстинкт Веги среагировал мгновенно: оценить угрозу, занять позицию, подготовиться к конфликту. Но его новое тело не было его старым оружием. Оно было тяжёлым, неповоротливым, с бьющимся сердцем, которое от страха (да, это был страх!) готово было выскочить из груди. Он не мог вступить в бой. Он мог только наблюдать. И это наблюдение было пыткой. Его кулаки сжались снова.

Кирилл-Беззв просто стоял. Он не анализировал. Он впитывал. Мокрый асфальт под ногами. Холодный воздух, заходящий в лёгкие. Пятно масла, переливающееся радужными разводами под фонарём. Он был пустым сосудом, и мир наполнял его до краёв. И это наполнение было... комфортным. Незнакомым, но не враждебным. Он наклонился, поднял с земли смятый бумажный стаканчик, рассмотрел его, бросил обратно. Простое действие. Не несущее смысла. Но бывшее.

Сверху, с крыши пятиэтажного дома, за ними наблюдал Зорг. Его костюм сливался с тенью, сенсоры отслеживали все их показатели. Он видел их смятение, их отвращение, их первый, робкий интерес. Он улыбнулся в темноте. Не цинично. Почти по-отечески.

«Вот он, – думал он. – Первый вдох. Первый шок. Вы думали, придёте в зоопарк и будете смотреть через стекло. А вас самих выбросили в вольер. И теперь вы чувствуете запах зверинца на собственной шкуре».

Внизу Элион-Пётр вытащил из кармана простой, потрёпанный бумажник – часть его «легенды». В нём были деньги, идентификационная карта, несколько визиток и ключ от квартиры, которой у него не было, но которая теперь числилась за ним по документам. Он посмотрел на купюры. Грубая бумага, водяные знаки. Символические бумажки, ради которых он должен был теперь... что? Работать.

– По инструкции, – сказал он, и его голос прозвучал чуждо, но уже с оттенком привыкания, – нам нужно найти место проживания. Адрес указан. Надо... спросить дорогу? Или использовать... карту?

Он оглянулся на своих спутников. Они были такими же потерянными, как и он. Группа великих вселенских умов, не знающая, как перейти улицу в незнакомом городе.

Это был момент совершенного унижения. И в этом унижении, в этой беспомощности, родилось нечто новое.

Лира-Светлана вытерла лицо рукавом куртки (ткань была грубой и неприятной) и сделала шаг вперёд, к выходу из переулочка. – Нет, – сказала она просто. – Сначала... нужно просто

идти. Смотреть. Дышать. Карта... она не передаст запаха этой жаровни с мясом. – Она указала на заведение через дорогу, откуда валил дым и исходил аромат чего-то жареного и жирного.

Её слова не были приказом. Они были констатацией факта. И в них была своя, новая, человеческая логика.

Один за другим, как стадо нелепых, только что рождённых существ, они вышли из переулка на освещённую улицу. Их залил свет витрин, рёв двигателей, поток людей. Люди шли быстро, целенаправленно, не обращая на них внимания. Они были невидимыми призраками в самом густом потоке жизни.

И тут Кирилл-Беззв произнёс то, что стало их первым, настоящим девизом на этой планете. Он посмотрел на огромную светящуюся вывеску «КРУГЛОСУТОЧНО» и сказал тихо, почти для себя:

– Пойдёмте. Нам ведь завтра на работу.

Эти слова, такие обыденные, такие глупые в контексте их прошлых жизней, прозвучали как магическое заклинание. Они обозначили новую реальность. Реальность долгов, расписаний и мокрых носков.

Зорг, наблюдая с крыши, видел, как они растворились в толпе. Пять точек аномалии, поглощённые городом. Его коммуникатор тихо пискнул. Сообщение на корабль было кратким:

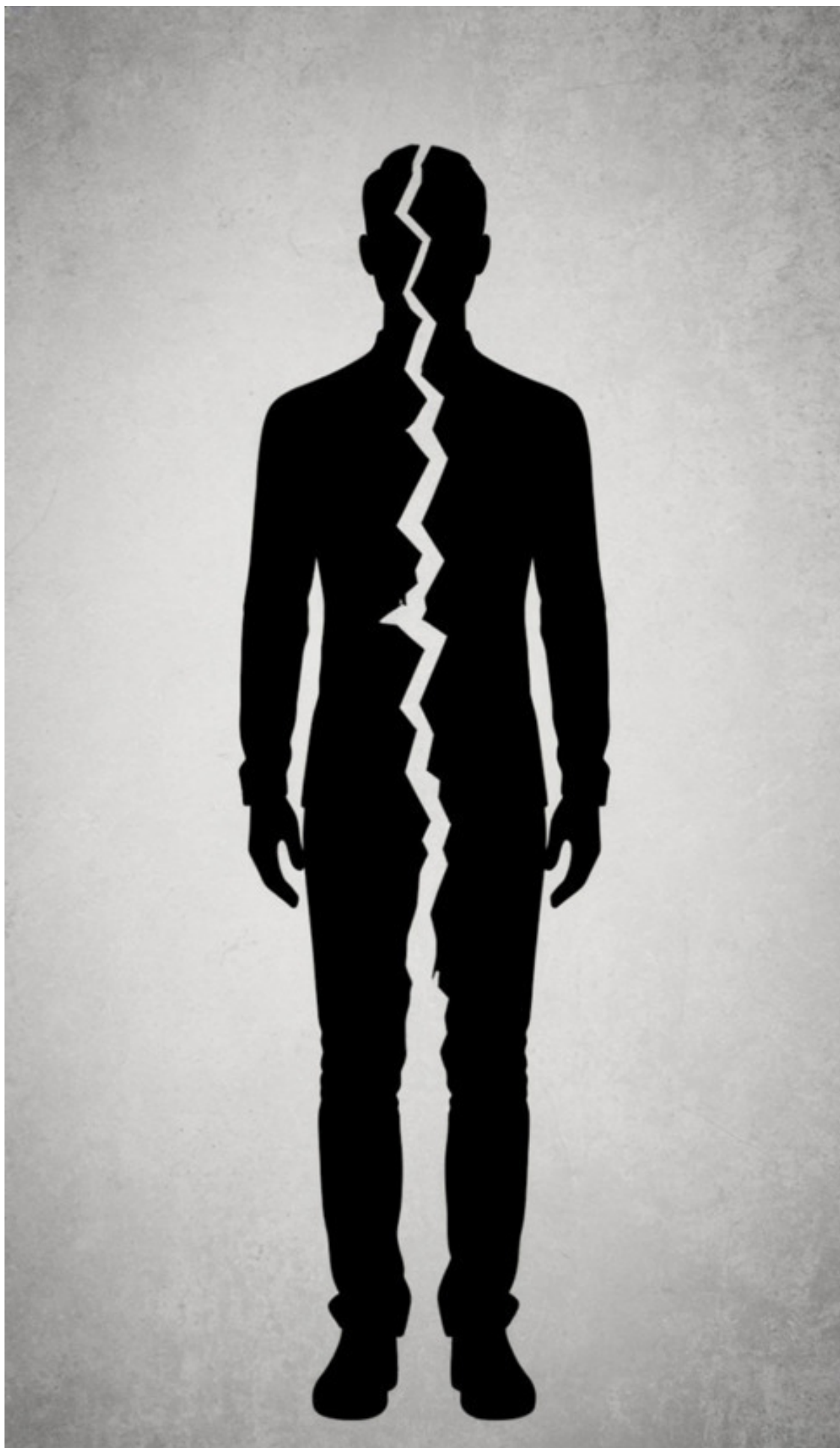
«Группа „Омега-Дельта“ десантирована. Первичный контакт с биосоциальной средой состоялся. Наблюдаются признаки когнитивного диссонанса и начальной сенсорной перегрузки. Протокол „Погружение“ активирован. Начало фазы наблюдения: завтра, 07:00 по местному времени. Первый рабочий день».

Он отключил устройство и ещё немного постоял, глядя на огни города. Где-то там сейчас Пётр, Света, Игорь, Владимир и Кирилл искали свою первую ночь под чужим небом. Они боялись, они морщились от запахов, они путались в простейших социальных сигналах.

И в этом, знал Зорг, и была вся суть. Они перестали парить над миром. Они упали в него. Теперь им предстояло научиться ползать. А потом, возможно, и ходить.

Холодный ветер с реки потянул вдоль крыши, неся на себе всё тот же коктейль из запахов города. Зорг вдохнул его полной грудью и вдруг осознал, что скучает по своему собственному, такому же вонючему и прекрасному, первому дню на TheMle. Он развернулся и бесшумно исчез в темноте, оставив город его новым, самым необычным жителям.

Глава 4: Первый день

Ночь была не тем спокойным небытием, к которому они привыкли. Это была процедура. Квартиры, которые Центр арендовал для них на первые месяцы, оказались в разных концах спального района. Стилль можно было описать как «постсоветский минимализм с налётом уныния». Трещины на потолке, скрипучий паркет, мебель, которая, казалось, родилась вместе с домом и мечтала умереть.

Элион-Пётр провёл два часа, изучая пространство. Он открывал все шкафы, проверял сантехнику, щупал батареи, как полководец осматривает поле предстоящей битвы. Спать он лёг в костюме (раздеться было слишком интимно и странно), накрылся пальто и пролежал, уставившись в потолок, пока за окном не посветлело. Его ум, привыкший оперировать категориями галактических масштабов, был захвачен в плен тремя проблемами: как работает этот странный унитаз с цепочкой, почему на кухне пахнет старым жиром и куда девать пустые коробки из-под «лапши быстрого приготовления», которую он нашёл в шкафу. Около четырёх утра его тело потребовало посещения помещения для опорожнения «аварийного клапана». Ритуал был унижен, шумен и оставил чувство глубокой неловкости. Так вот оно, управление, – с горькой иронией подумал он, спуская воду.

Лира-Светлана не спала по другой причине. Она легла на жёсткий диван, закрыла глаза, и на неё обрушился сон. Но не сон как отсутствие сознания, а сон как вторжение. Обрывки чужих воспоминаний (или симуляций?), вшитых в нейронные паттерны её нового тела. Смутные лица, школьный двор, вкус мороженого, потерянная варежка, страх перед экзаменом, который она никогда не сдавала. Её философское сознание цеплялось за эти призраки, пытаясь отделить «скафандр» от «носителя», но границы таяли. Она проснулась в слезах от сна, в котором хоронила незнакомую старушку, и долго не могла понять, чьё это горе – Светланы Зайцевой или её собственное.

Ксаро-Игорь столкнулся с бунтом чувств. Его новая квартира была заставлена безвкусиными статуэтками и завешана тяжёлыми шторами. Он пытался отключить обоняние, чтобы не чувствовать запаха пыли и лавандового освежителя, но не смог. Он пытался приглушить слух, чтобы не слышать храпа соседа за стеной и воя сирены вдали, но безуспешно. Его синестезия, лишённая привычных величественных стимулов, начала привязывать отвратительные сочетания: храп окрашивался в цвет гниющей брокколи, а мерцание уличного фонаря за шторами отдавало на вкус жжёным пластиком. Он сидел, обхватив голову руками, и думал, что сойдёт с ума. И только под утро, когда за окном запела какая-то птица, он услышал в её трели чистую, хрустальную ноту. Одна. Совершенная. И заснул, прижавшись лбом к холодному стеклу.

Вега-Владимир сразу лёг на пол. Кровать казалась ему ловушкой, признаком слабости. Он пролежал так несколько часов, слушая, как скрипят балки, как капает вода в кране, как по коридору ходят другие жильцы. Каждый звук анализировался на предмет угрозы. Его тело, уставшее от стресса и непривычной гравитации, всё же потребовало своего – он заснул внезапно, как отключился, и проснулся от кошмара, в котором бежал от чего-то огромного по бесконечной стройплощадке, и ноги не слушались. Он вскочил, обливаясь холодным потом, и несколько минут отдышался, стоя в боевой стойке посреди комнаты с торшером в руке вместо меча.

Кирилл-Беззв лёг на кровать, укрылся одеялом и уснул через десять минут. Сон был глубоким, без сновидений. Его пустота не сопротивлялась наполнению усталостью. Он проснулся от будильника на дешёвом телефоне, который нашёл на тумбочке, потянулся, встал и пошёл в душ. Вода была чуть теплее комнатной температуры. Он стоял под ней, наблюдая, как стекают капли, и чувствовал странное, почти медитативное спокойствие. Он был здесь. Он был этим телом. Этого пока было достаточно.

Утро началось с сигналов, на которые не было кнопки «отложить».

Голод. Неприятное сосание под ложечкой, лёгкая тошнота. Инструкция Зорга: «Еда – топливо. Найти пищу».

Жажда. Сухость во рту, вязкость. «Вода – жидкость. Найти жидкость».

И снова сигнал от аварийного клапана. Настойчивый, неотложный.

Каждый из них, в одиночестве своей казённой квартиры, вёл свою первую битву за выживание на примитивнейшем уровне. Элион, скрипя зубами, разогрел в микроволновке (ещё один объект для изучения) ту самую лапшу. Лира нашла пакет сухарей и ела их, сидя на полу, крошки падали на колени. Ксаро, поборов отвращение, выпил стакан водопроводной воды – она отдавала хлоркой и ржавчиной, и он чувствовал вкус каждой молекулы. Вега просто игнорировал голод, сосредоточившись на более важном: ему нужно было найти место, обозначенное в документах как «стройплощадка №7». Кирилл спокойно сварил себе две яйца, которые нашёл в холодильнике, и съел их, глядя в окно на просыпающийся двор.

Затем – дорога.

Это стало вторым шоком, после ночи. Город не был статичной картинкой. Он был потоком, бурной, опасной рекой, в которую нужно было войти.

Элион-Пётр стоял на краю тротуара, наблюдая за машинами. Он анализировал паттерны: скорость, расстояние, интервалы. Пересечь эту полосу движения казалось задачей сложнее, чем синхронизировать работу квантовых двигателей. Он пошёл за группой людей на светофоре, как за опытными проводниками.

Лира-Светлана села в автобус. Давка, запах тел, чужие локти в рёбрах. Она закрыла глаза и попыталась отстраниться, перевести это в категорию антропологического наблюдения. «Тактильный контакт случайных особей в условиях ограниченного пространства...» – начала она мысленный протокол, но её прервал резкий толчок, когда автобус затормозил. Она врезалась в плечо незнакомого мужчины. «Извините», – сказал её голос, прежде чем она успела подумать. Тело знало ритуалы. Сознание отставало.

Ксаро-Игорь заблудился. Его бар должен был быть в пятнадцати минутах ходьбы, но он свернул не туда и оказался на каком-то рынке. Его атаковали не звуки, а цвета. Огромные пятна оранжевых апельсинов, алые мясные туши, зелень петрушки, серебро рыбьей чешуи. Краски кричали, спорили друг с другом, складываясь в хаотичный, ошеломляющий витраж. Он замер, не в силах двинуться, пока какой-то продавец не толкнул его тележкой: «Мужик, проход не загораживай!» Фальшивая нота прозвучала в его голове, и он, смущённый, поплёлся прочь.

Вега-Владимир нашёл стройплощадку по запаху: цемент, металл, древесина. Он предъявил свои документы прорабу – угрюмому мужчине в каске. Тот бегло глянул, кивнул на кучу арматуры: «Таскай туда, к крану. Не стой столбом». Вега посмотрел на скрученные железные прутья. Цель. Простая, понятная. Он наклонился, схватил связку. Вес заставил его мышцы напрячься, суставы хрустнуть. Это был вызов. Примитивный, физический. Он понёс.

Кирилл-Беззв пришёл в офис точно по времени. Большое стеклянное здание, пропуск с фото, лифт, открытое пространство с кубиками. Его встретила женщина с доброй усталой улыбкой – Ольга Петровна, руководитель отдела. – Кирилл, добро пожаловать. Вот твоё место. Компьютер включён, логин и пароль на стикере. Сегодня просто ознакомься с базой документов, системами. Завтра дам первое задание. Он сел в кресло. Оно было удобным. Монитор загорелся мягким светом. Он открыл папку «Входящие». И начал читать. Процедуры, отчёты, регламенты. Язык был сухим, безличным. Идеальный фон. Он слился с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.